

Савельев Александр Евгеньевич

кандидат исторических наук,
Кубанский государственный университет

ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация:

Кавказская война вписала немало славных страниц в российскую военную историю. Имена и подвиги солдат и военачальников в этом регионе широко освещались дореволюционными историками. Одной из легендарных личностей Отдельного Кавказского корпуса был Н.П. Слепцов, деятельность которого очень высоко оценивалась и современниками, и потомками. Однако в советской исторической науке, в связи с изменениями идеологии и целей исследований, выразилось отрицательное отношение к участию российской армии в Кавказской войне. Имя Слепцова оказалось полностью забытым. Эта статья представляет собой одну из немногочисленных современных попыток восстановить справедливость по отношению к одному из славных сынов нашей Родины.

Ключевые слова:

Кавказ, Кавказская война, офицер, полк, историческая память.

Savelyev Aleksandr Evgenevich

PhD in History,
Kuban State University

THE FORGOTTEN HERO OF THE CAUCASIAN WAR

Summary:

Caucasian War entered many glorious pages in Russian military history. The names and exploits of soldiers and commanders in this region are broadly described by the pre-revolutionary historians. N. P. Slepczoff was one of the legendary persons of the Separated Caucasian Corps, whose activities contemporaries and descendants valued very high. But in Soviet historical science, because of changes in ideology and purposes of investigations, they expressed the negative attitude to Russian army's participation in the Caucasian War. The name of Slepczoff became completely forgotten. This article is one of few modern attempts to restore justice with reference to one of the glorious sons of our Motherland.

Keywords:

Caucasus, Caucasian War, officer, regiment, historical memory.

Кавказская война рождала своих героев и легендарных личностей. Одним из самых прославленных военачальников Отдельного Кавказского корпуса был генерал-майор Николай Павлович Слепцов, командир 1-ого Сунженского линейного казачьего полка. Сейчас это имя незаслуженно забыто, но в свое время оно гремело по всему Кавказу, его обожали казаки, высоко ценил наместник князь М.С. Воронцов, боялись, но одновременно очень уважали противники-горцы. О смелости, военных талантах и благородстве этого человека складывались настоящие легенды. Его даже называли покорителем Дагестана и Чечни, хотя, разумеется, с одним полком он никак не мог этого сделать. Многие историки и исследователи Кавказской войны полагают, если бы не трагическая смерть генерала в сравнительно молодом возрасте от случайной пули, то он стал бы выдающимся полководцем, имя которого вошло бы в мировую историю.

Слепцов происходил из древнего дворянского рода, уходящего своими корнями еще в XV в. Его отец был строгим, но справедливым человеком, а мать отличалась мягким характером и набожностью. Все это с ранних лет сформировало характер будущего генерала – решительность, дисциплинированность и при этом искренность, доброта и религиозность.

Самостоятельную жизнь мальчик начал рано – в десятилетнем возрасте он был отправлен в Ярославль на учебу в Благородный пансион при Демидовском училище высших наук. Через три года подросток был принят в Горный кадетский корпус, позже переименованный в Санкт-Петербургский горный институт. Это было одно из лучших учебных заведений России того времени, где за девять лет обучения давалось высококачественное образование в гуманитарной, естественнонаучной и, частично, военной областях. Учился Николай очень прилежно, за что четыре раза получал награды и подарки. Там же впервые ярко проявился его характер. Он был очень требователен в выборе друзей, не терпел надменности, трусости и подлости. Обидчика юноша мог вызвать на «дуэль», которая проходила в тренировочном зале и заключалась в состязании либо по фехтованию на спортивном оружии, либо по вольной борьбе. Во время обучения в корпусе проявилось и умение юного воспитанника отстаивать свое мнение, не взирая ни на какие авторитеты – однажды Слепцов возразил самому Николаю I, что на его рисунке изображен не Диоген, как сначала посчитал император, а Сократ. К счастью, царь снисходительно отнесся к этому замечанию.

Несмотря на все успехи в учебе, душа юноши стремилась к военной карьере. В 17-летнем возрасте он писал отцу: «Батюшка! Я очарован истинным значением военного звания, я ставлю

его выше всех других понятий. Все мои желания, все усилия стремятся к тому, чтобы вступить на это высокое, славное поприще и быть его достойным...» [1, с. 2].

В конце концов, настойчивые просьбы сына, подкрепленные уговорами родственников, сделали свое дело – отец Слепцова согласился на его перевод в военное училище. 16 сентября 1834 г. Николай Павлович поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, позже переименованную в Николаевское кавалерийское училище. Интересно, что в то время это учебное заведение заканчивал М.Ю. Лермонтов, покинувший его через два месяца. Сохранился рисунок, изображающий разговор Слепцова с поэтом, однако была ли такая встреча в реальности – неизвестно.

В Школе Слепцов с огромным энтузиазмом приступил к овладению столь желанным для него военным делом, что сразу же привлекло внимание начальства. Он был назначен фельдфебелем пехотного отделения и вскоре завоевал искреннее уважение своих соучеников-подчиненных, которые теперь старались не шалить, чтобы не подводить своего товарища-командира. Начальник Школы генерал Шлиппенбах однажды в разговоре с братом Николая Петром Слепцовым сказал тому: «Брат Ваш имеет истинный характер военного человека и подает прекрасные надежды» [2, с. 4].

Ровно через два года Н.П. Слепцов окончил Школу и 1 января 1837 г. был зачислен в лейб-гвардии Литовский полк с производством в прапорщики. Через год он был уже поручиком. Но у этого человека была слишком неумная натура со страстным желанием приключений и подвигов, поэтому его совсем не устраивала гвардейская служба, которая заключалась лишь в участии в парадах и «разводах», а потому Слепцов подал прошение о переводе в Отдельный Кавказский корпус. Оно было удовлетворено 16 июня 1840 г., когда молодой офицер получил назначение в Нижегородский драгунский полк уже в чине штабс-капитана.

Эта часть считалась на Кавказе элитной и поэтому активно участвовала в боевых действиях. Уже в октябре-ноябре Слепцов отправился в поход под командованием генерал-адъютанта Граббе. И сразу же Николай Павлович обратил на себя внимание своей храбростью в сочетании с высоким профессионализмом. Благодаря этому 20 декабря он назначается адъютантом генерал-майора Траскина – начальника штаба войск, расположенных на Кавказской линии и в Черномории. Эта должность считалась штабной чисто формально. В реальности только в 1841 г. Слепцов участвовал в 11 крупных военных операциях, не считая множества «рядовых» схваток. Неудивительно, что летом этого года он получает свою первую боевую награду – орден Св. Станислава 3-й степени.

В 1842 г. кавказская карьера офицера продолжается уже на Кубани под командованием генерала Г.Х. Засса. Здесь он вскоре получает следующий чин капитана. В течение двух лет Николай Павлович продолжает участвовать в многочисленных боях против горцев. Очередным этапом службы для Слепцова стал Северный Дагестан, куда он был командирован под начало генерала Гурко. Одним из наиболее ярких событий этого периода для него стало участие 16 декабря 1843 г. вместе с батальоном Апшеронского полка в походе, целью которого было снятие устроенной горцами осады укрепления Зыряны, где находился так называемый аварский отряд подполковника Пассека. Солдатам Слепцова нужно было преодолеть сравнительно небольшое расстояние – около 40 километров, но экспедиция проходила в суровых условиях горной зимы, а потому переход был очень тяжелым. Тем не менее батальон быстро преодолел этот путь, позволив себе лишь получасовой отдых, и с ходу атаковал врага. Горцы бежали. Однако на этом дело не закончилось. На обратном пути оказалось, что в одном из ущелий засели неприятельские стрелки. Пассек и Слепцов повели своих людей в атаку на склоны, причем Николай Павлович находился в первых рядах. После яростной схватки дорога домой была освобождена.

Практически сразу же после этого в военной карьере Н.П. Слепцова происходит неожиданный поворот – он становится «казаком», будучи командированным в Кавказское линейное казачье войско. Именно с ним будет связана вся последующая судьба Николая Павловича вплоть до момента его трагической гибели. Он продолжает участвовать во всех значительных походах против горцев, получает чин майора, а 19 января 1845 г. назначается командиром начавшегося формирования 1-го Сунженского линейного казачьего полка, который должен был стать первым соединением устраиваемой Сунженской оборонительной линии. В полк набирали добровольцев из терских и донских казаков. Всего туда переселилось 2 273 семьи с Терека и 637 семей с Дона [3, с. 15]. Надо сказать, что донцы на Кавказе имели невысокую репутацию – они ведь привыкли к совсем иным условиям военных действий. Но сунженцы доказали, что все зависит от начальника и его отношения к подчиненным. Слепцов проявил себя одновременно талантливым военачальником и отцом-командиром, неукоснительно пекущимся о благе своих бойцов.

Прежде всего приходилось заботиться как раз о быте и хозяйстве. К июню 1845 г. на Сунженскую линию прибыли первые поселенцы, и началось строительство трех станиц – Сунженской, Михайловской и Троицкой. Они располагались на плодородной равнине Малой Чечни, орошаемой горными реками, прежде всего Сунжей. Неподалеку к югу, среди горных ущелий и дремучих лесов, располагались чеченские аулы. Разумеется, горцы не желали мириться с потерей богатых земель. Михаил Густавович Нейман, полковой адъютант Н.П. Слепцова, позже писал в своих воспоминаниях: «Первое время поселения тревоги были непрерывные – иногда на день несколько. Не успели казаки отбиться от одной партии, как вестовая пушка призывает их в другое место. А между тем, под грохот этих тревог, надо было продолжать самое важное дело – нужно было селиться и строиться, обрабатывать поля, пасти стада, косить сено» [4, с. 8].

Именно в эту пору проявились все лучшие душевные и военные качества Николая Павловича. Казаки очень скоро узнали широту души и щедрость своего командира. Он на собственные средства обеспечивал вдов и сирот погибших подчиненных, выкупал попавших в плен, истратив на это почти все доставшееся от отца наследство, находил время выслушать всех, пришедших к нему с просьбой или жалобой, и помогал им советом или делом. При этом, не будучи казачьего происхождения, Слепцов прекрасно понял особенности натуры и мировоззрения казаков, став для них истинным вождем-атаманом, разделяя с ними горе и радость, не отказываясь присутствовать на свадьбах и похоронах, крестил многих детей. Неудивительно, что день рождения Николая Павловича стал для станичников главным праздником, на котором гуляли и угощались все. Слепцов очень любил гостей и снимал для приезжавших к нему особый дом, там было и отдельное помещение для кунаков-горцев, где имелись даже молитвенные коврики, потому что, будучи глубоко верующим человеком, Николай Павлович уважал и религиозные чувства других, в том числе мусульман. Горцы не только страшились стремительных походов генерала, которого они называли «Сипсо», но и преклонялись перед его благородством и справедливостью. Он всегда отпускал попавших в плен женщин, детей и стариков, а часто и чеченских бойцов, если те показывали в бою отвагу. При этом предварительно им разрешали вымыться в бане, кормили, поили и давали чистую одежду. Повстречавшимся горцам-земледельцам Слепцов обязательно давал деньги. Чеченцы, уважавшие храбрость и благородство даже противников, называли в его честь своих детей.

К 21 ноября все три станицы были заселены, и казаки-сунженцы приступили к активному участию в боевых операциях. 1846–1850 гг. прошли для них в непрерывных походах, где они одерживали победу за победой. Во многом это была заслуга самого Слепцова, который неустранимо вел обожавших его подчиненных в сражения, умело используя скрытные переходы и стремительные атаки для полного разгрома врага при минимальных собственных потерях. Подобные успехи Николая Павловича обратили на себя внимание начальства. 30 апреля 1847 г. его назначают начальником всей Верхне-Сунженской линии, а меньше чем через месяц – 25 мая – производят в полковники и награждают золотой саблей с надписью «За храбрость». 19 января 1850 г. Слепцов получает орден Св. Георгия 4-й степени, а за две недели до этого его полк был награжден почетным знаменем «за отличные подвиги при покорении Малой Чечни в 1849 г.». Такие успехи и связанная с ними быстрая карьера не могли не вызвать зависти. Сам генерал с горечью писал в письмах о доносах, которые должны были опорочить его имя во мнении императора. Однако неизменная поддержка Николая Павловича кавказским наместником князем М.С. Воронцовым не позволяла интригам против Слепцова иметь негативных последствий.

В 1850 г. Николай Павлович совершил один из главных своих военных подвигов – штурм Шалинского окопа. В реальности это была тянувшаяся на 4,5 км цепь мощных укреплений из щелбня и утрамбованной земли с амбразурами для ружей и двумя башнями для пушек, прикрывавшая путь к одному из крупнейших чеченских селений – аулу Шали. В апреле 1850 г. этот «окоп» уже захватывали русские войска под командованием генерал-майора Козловского, но этот налет, в котором штурмовавшие понесли значительные потери, оказался бесцельным, так как после ухода отряда редут вновь заняли горцы, восстановившие его. В августе князь М.С. Воронцов начал широкомасштабное наступление в Чечне. Для обеспечения его успеха было необходимо вначале захватить Шалинский окоп. Сделать это вызвался Н.П. Слепцов. Он сумел совершить быстрый и скрытный обходной маневр и стремительно атаковал защищавший укрепление горский гарнизон под командой нескольких наибов Шамиля. Те не смогли организовать упорное сопротивление и предпочли бежать. Победа сунженцев была достигнута с минимальными потерями. За подобный значительный успех Николай Павлович в возрасте 34 лет был удостоен чина генерал-майора.

Одновременно с победами казаки Сунженской линии продолжали хозяйственные хлопоты. В 1847 г. были возведены еще две станицы – Ассиновская и Магомет-Юртовская (позже переименованная в Вознесенскую). Слепцов планировал постройку еще двух станиц, но его трагически ранняя гибель не позволила этому осуществиться при его жизни.

1851 г. стал последним в короткой и славной жизни Николая Павловича. Летом этого года он отправился в поход против самого воинственного и непокорного из племен чеченцев – гехинцев. Сам Слепцов описывал их в своем донесении следующим образом: «Жители нагорной Малой Чечни, известные под одним названием гехинцев, упрямейшие и злейшие из всего чеченского населения, многолюдно гнездящегося в горах по ущельям рек Малой Чечни вместе с абреками и беглыми разных племен, постоянно обнаруживали себя особенно враждебным к нам расположением и вероломством, даже против своих соплеменных, ныне покорных. Не раз, обещая покорность правительству, они в то же время скрытно усиливались колебать покорившихся нам карабулак, галашевцев и живущих на плоскости чеченцев» [5, т. 10, с. 511].

Поход оказался в целом неудачным. Отряд смог пройти только семь верст под непрерывными атаками горцев, после чего был вынужден начать отступление. Сам Слепцов в это время был тяжело ранен пулей в ребро. Терпя мучительную боль, он до конца боя не подавал вида, и лишь потом подозвал врача, выдержав тяжелую операцию по извлечению пули. Узнав, что в этом же бою был смертельно ранен знаменитый наиб Малой Чечни Магомет Мурза Анзоров, Николай Павлович отправил его жене искренние соболезнования и ценные дары.

Несмотря на отступление отряда Слепцова, бой произвел огромное впечатление на гехинцев и соседние племена. Сам генерал отмечал в рапорте, что «... виден глубокий упадок духа гехинцев и всех нагорных чеченцев Малой Чечни, которые думали устоять против нас, опираясь на убежища свои в неприступных ущельях; семейства их считают теперь единственным своим безопасным убежищем покровительство русского правительства и уже начинают искать его» [5, т. 10, с. 511]. Неудивительно, что после этой экспедиции Слепцов был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени.

Могучий организм Николая Павловича переборол последствия ранения, и он вновь вернулся в строй, но осенью 1851 г. окружающие заметили, что он стал задумчивым и грустным. Возможно, та феноменальная интуиция, которая позволяла Слепцову буквально предугадывать события в бою, теперь предостерегала его о близящейся смертельной опасности.

В первых числах декабря генерал, стоявший со своим отрядом на левом берегу р. Гехи, получил сообщение от лазутчиков, что по приказу Шамиля, наиб Дуба с большим отрядом и одной пушкой идет, чтобы атаковать лагерь. Слепцов решил напасть первым. По разработанному им плану лично он встал во главе засады, чтобы в удобный момент нанести удар по врагу. 10 декабря произошел бой, ставший последним в жизни Николая Павловича. Когда его засадному отряду пришлось вступить в сражение, он, как обычно, был в первых рядах своих бойцов. Сначала стремительный натиск рассеял группу чеченцев, но потом казаки задержались перед устроеными горцами завалами. Николай Павлович отдал приказ о вызове пехоты для их штурма, но в этот момент его настигла горская пуля, смертельно ранив. Его осмотрел врач, но ничего не смог сделать. Когда раненого выносили с поля боя, он умер. До последних мгновений жизни Слепцов беспокоился о ходе боя. Перед смертью он просил не горевать о нем.

Всю ночь в полной тишине офицеры, казаки, солдаты и горцы-милиционеры прощались с обожаемым ими командиром. На следующий день его тело доставили в аул Ахчой, где находился друг покойного подполковник С.П. Мезенцев, который занялся организацией похорон. Гроб с телом генерала на дрогах под пышным балдахинном повезли в сопровождении полка в Сунженскую станицу. Путь проходил через станицу Ассиновскую, и все ее население встретило траурную процессию на полпути и присоединилось к ней. Наконец, скорбное шествие достигло дома генерала в Сунженской станице. И здесь все станичники от мала до велика вышли проститься со своим кумиром. Женщины рыдали навзрыд, устилая путь перед катафалком платками и шальями, слепых подводили к гробу, чтобы они тоже могли проститься с погибшим героем, грудных младенцев клали на крышку гроба, желая им вырасти такими же храбрыми и благородными, как Слепцов. На станичном кладбище прославленный генерал и был похоронен.

Гибель Николая Павловича была воспринята составом Отдельного Кавказского корпуса как трагедия. Сам главнокомандующий князь М.С. Воронцов, узнав о смерти любимого им генерала, которого он называл по-отечески просто Николаем, два часа ходил по кабинету, оплакивая потерю.

Николай I, чтобы почтить память выдающегося кавказского военачальника, 29 декабря 1851 г. повелел переименовать станицу Сунженскую в Слепцовскую. Имя Н.П. Слепцова занесли на черную мраморную доску в церкви Николаевского кавалерийского училища. Над могилой генерала казаки установили величественный памятник из камня с крестом и скромной надписью:

«Н.П. Слепцов. 1851 г.». Это имя было уже легендарным и не нуждалось в дополнительном описании. Каждый год 10 декабря там служилась панихида. Памятник Николаю Павловичу установили и в станице Троицкой, в его честь был назван источник лечебных вод, найденный в двух километрах от станицы Михайловской. В Саратове, рядом с которым родился Слепцов, его именем назвали улицу и поместили его портрет в зале заседаний городской думы. Знаменитый художник-баталист Ф.А. Рубо в 1891 г. создал полотно «Смерть генерал-майора Слепцова». И в дальнейшем имя выдающегося генерала не было забыто. В день 50-летия гибели Слепцова Николай II повелел переименовать в его честь тот казачий полк, который Николай Павлович когда-то помогал создавать. 9 мая 1916 г., в день праздника Николаевского кавалерийского училища, там был установлен памятник Николаю Павловичу. На его лицевой стороне была надпись о том, что Слепцов окончил училище в 1836 г., на оборотной же стороне приведены строки из одной чеченской песни о нем: «Слава его высока и светла, как вершина Казбека, а грудь полна боевой отваги, как грудь могучего льва».

Однако потом наступило новое время. Послереволюционная борьба за «светлое будущее» оказалась в реальности борьбой с прежними идеалами, героями и памятью о них. Были ликвидированы Сунженские казаки как особая этническая группа, целые их станицы переселялись в новые места. Слепцовскую станицу переименовали в Орджоникидзевскую, хотя железнодорожная станция при ней так и осталась Слепцовской. Могила генерала сначала пришла в запустение, а потом и вовсе была разрушена...

Судьба Н.П. Слепцова стала воплощением его собственных слов, оказавшихся, увы, прощескими: «Считаю долгом приятным жертвовать собою». Храбрый воин, талантливый военачальник, благородный рыцарь по духу, незаурядная личность Николай Павлович свою яркую, но короткую жизнь посвятил беззаветному служению Отечеству. Такие люди всегда должны оставаться в памяти потомков как пример для подражания. Нельзя допускать, чтобы история переписывалась, исходя из сиюминутных конъюнктурных соображений, и забывались подвиги героев! Остается лишь надеяться, что историческая справедливость будет восстановлена, и имя Слепцова будет вспоминаться в числе самых выдающихся сынов нашей Родины.

Ссылки:

1. Новоселов С. Генерал-майор Николай Павлович Слепцов. Жизнеописание, изданное Гвардии Полковником С. Новоселовым. СПб., 1858.
2. Слепцов П.П. О генерал-майоре Слепцове // Московские ведомости. 1858 . № 72. Отдельный оттиск.
3. Ратушняк В.Н. Неустрашимый генерал. Краснодар, 2001.
4. Юдин П. Генерал-майор Н.П. Слепцов как организатор Сунженской линии. Владикавказ, 1911.
5. Акты Кавказской археологической комиссии. 1885.
6. Там же.

References:

1. Novoselov S. Maj. Gen. Nikolai Pavlovich Sleptcov. Biography, published Guard Colonel S. Novoselov. St. Petersburg. 1858.
2. Sleptcov P.P. About Major General Sleptcova // Moscow News. 1858. Number 72. Reprint.
3. Ratushnyak VN Undaunted General. Krasnodar, 2001.
4. Yudin P. Maj. Gen. NP Blind as organizer Sunzhensk line. Vladikavkaz, 1911.
5. Acts Caucasian Archaeological Commission. 1885.
6. Ibid.